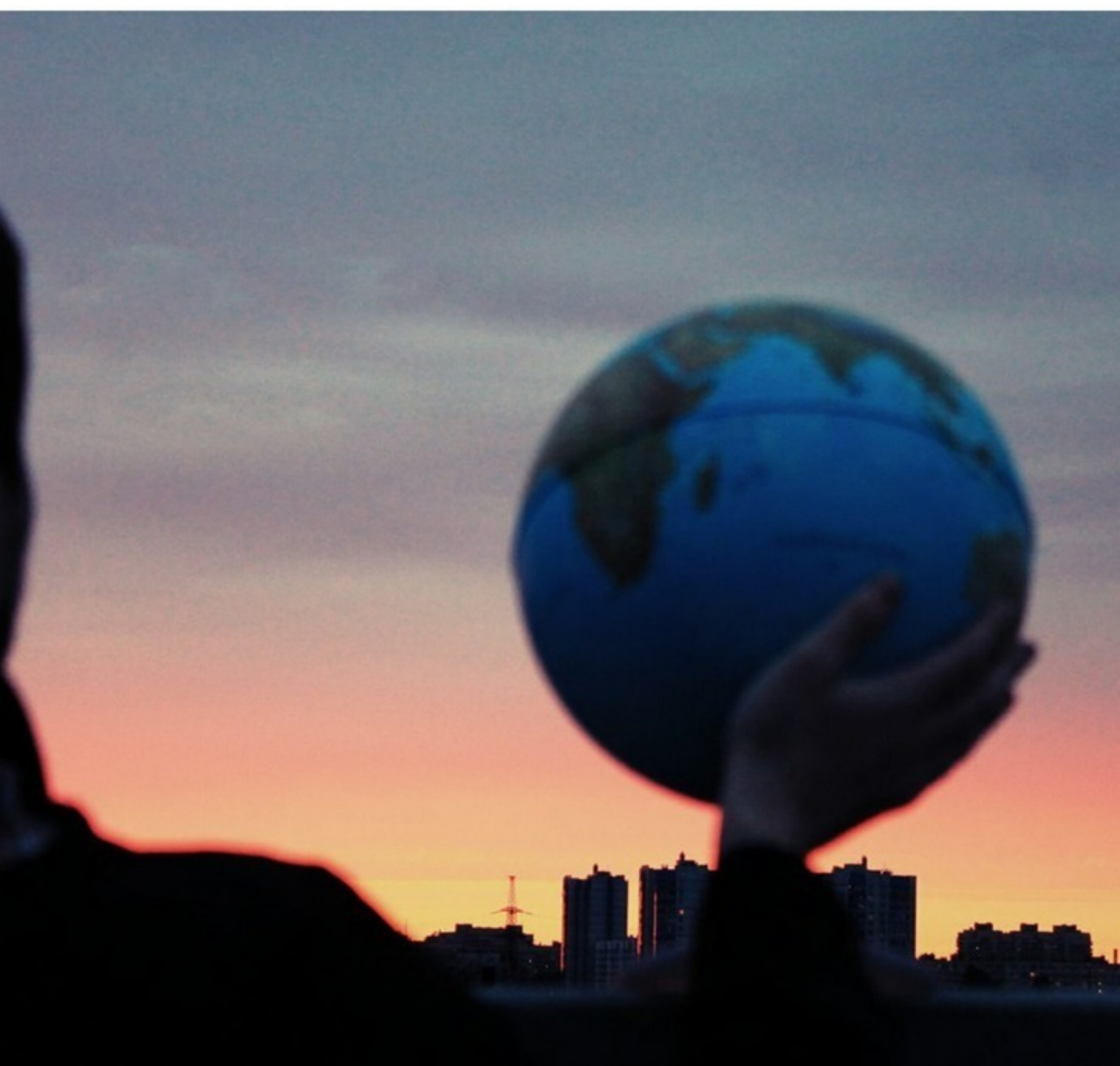

Дмитрий Помоз
Кто сильнее?

Заведи свою мечту

Дмитрий Помоз

Кто сильнее? Заведи свою мечту

«Издательские решения»

Помоз Д.

Кто сильнее? Заведи свою мечту / Д. Помоз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833599-0

В один прекрасный день все мы должны будем выйти из себя и первый раз в жизни сделать все по-настоящему. Это необходимо, чтобы удержать свою планету в руках. Именно так и поступил Игорь. Он вышел из дома, оттолкнув привычный мир со всеми его шаблонами, чтобы найти настоящий, а в нём и себя.

ISBN 978-5-44-833599-0

© Помоз Д.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	13
5	15
6	17
7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кто сильнее? Заведи свою мечту

Дмитрий Помоз

*Выведи меня тропинками, чтобы никто не заметил
Я дальше на попутках в серебряном рассвете
Мне нужно вырваться, а дальше будь что будет
Бежать мимо холодных окон, самых темных судеб
И без меня пусть ходит сквозняк в том мире
Подъезд прокурен, кухня четыре на четыре
Я оставил там грусть, ненужные вещи
Немой полумрак, пыль, и оконные трещины
Не найдешь теперь, одна в ночи вой
Встречай чужие жизни, слушай голос не родной
И не увидимся мы, даже если хочется очень
Меня ведет звезда вдоль заснеженных обочин
Туда где музыка ждет, сверху не давят плиты
А вечер яркий не делает меня убитым
Дорога долгая, вьюги чарующий танец
Ты попрощайся за меня со всеми, кто останется..*

гр. ГРОТ «Малосемейка»

© Дмитрий Помоз, 2016

ISBN 978-5-4483-3599-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Игорь выскочил из парадной и утренний, морозный воздух тут же скомкал его, вжал со всех сторон в самого себя. Как вакуум, который запросто может сжать алюминиевую банку из под лимонада, или даже целый контейнер. В два шага Игорь остановился, поднял глаза, щурясь от еле пробивающегося из-за дымки облаков и газов солнца, широко улыбнулся, и, чтобы вновь раскрыться, сделал глубокий вдох.

Еще совсем недавно этот вакуум почти каждый божий день комкал не только его тело, но и душу. Душил петлями серых, беспросветных и бесполезных будней. А восстановить её, эту самую душу, одним лишь глубоким вдохом просто невозможно.

Но сегодня был совсем другой день. Игорь улыбался этой дымке в небе, и почти слепому солнцу, он был уверен, что скоро, не успеет он доехать до работы, – оно разберется со своими проблемами (хотя, какие проблемы могут быть у солнца?) и обязательно выйдет из-за шор. У него все получится, у всех все получится.

Он достал из кармана своего черного пальто телефон, нажал на кнопку включения экрана, тот мгновенно загорелся, и в окошечке футляра из китайского кож зама высветилось: 12 апреля, 8 часов 15 минут.

«До начала рабочего дня чуть больше, чем полтора часа. Нужно торопиться и улыбку не забыть. Такое событие случается, может всего раз в жизни. Хотя, все хорошие и самые запоминающиеся события, по сути, и случаются всего раз в жизни. Дальше мы ко всему привыкаем, начинаем относиться, как к должному, или сравниваем его с тем самым первым разом, а не воспринимаем отдельно, как новый неповторимый феномен в своей жизни. Но со мной такого больше не произойдет. По крайней мере, я буду очень стараться».

Весь двор был заставлен автомобилями местных жителей. Они были везде: на самой дороге по обеим сторонам, на тротуарах, вдоль небольших огороженных зеленых территорий, а где оград не было – прямо на газонах, между деревьев; они затыкали, как пробки, проходы в добрую половину парадных, стояли в песочницах и загорали помойки. Казалось, они везде, их больше, чем жителей этого безликого «спальника». Они стояли друг на друге и свисали с деревьев, выглядывали из урн и подтягивались на турнике. Машины захватили мир. Игорь подумал, возможно, к нему в брюки тоже завалилось пара легковушек. На всякий случай он даже похлопал себя по карманам.

Ничего такого в его карманах, разумеется, не оказалось. Там лежал лишь ключ от черного седана среднего класса, купленного, как и большинство машин, стоящих на парковке за шестьсот тысяч или чуть больше, две трети из которых составлял кредит. Игорь быстро отыскал взглядом то место, где припарковался вчера вечером, но не спешил туда пробираться. Вместо этого он некоторое время держал ключ на левой ладони и перебирал волной пальцами. Он был в раздумье.

«Мы живем на одну треть!» – размышлял Игорь, переводя взгляд с ключей на своего железного коня.

Тут же резко нахмурился и посуровел, словно этот бездушный механизм был в чем-то виноват. Такой вид до неузнаваемости изменил внешность Игоря.

«Мы живем на одну треть, а остальные две трети, будто взяли в кредит, и они нам не принадлежат, мы боимся испортить мнимое чужое, пока не расплатились за него, пытаемся отдать какие-то долги, да еще с процентами, и ждем. Ждем, когда расплатимся и станем полноправными владельцами своей жизни. А пока живем на треть, на треть мечтаем, на треть делаем, на треть думаем, и на треть используем. Зато на две трети тратим».

– Тьфу! – эхом звякнуло по двору.

Игорь закинул ключи обратно в карман, снова улыбнулся ярче солнца, вернув себе узнаваемый вид, и двинулся в сторону метро.

Минувшей ночью в городе шел дождь, асфальт не успел высохнуть, вода стояла, затопляя его многочисленные неровности лужами приличного размера. Над одной из таких луж Игорь, неожиданно даже для самого себя, подпрыгнул, и налету прихлопнул друг о друга подошвами ботинок. Этот кульбит затормозил его полет, и он смачно приземлился прямо в эпицентр лужи. Брызги его приземления окатили многочисленную группу голубей, облюбовавшую соседнюю заводь, как приморский курорт, и те гуляющей массой разлетелись во все стороны, от страха расстреливая из своих бомболюков всё, что под ними было. Одна из бомб грязно-белой меткой упала прямо на грудь Игорева пальто. Он ухмыльнулся, и стер его рукавом:

– На счастье!

2

В метро было не протолкнуться. Но и проталкиваться, по сути, было незачем. Движение утренне-будничной толпы так же предсказуемо и упорядочено, как движение воды в унитазе после слива. На входе она с жесткостью пасти старой беззубой псины подхватывает тебя. Это неприятно, порой больно, но без крови. Дальше зловонная пасть тащит тебя вниз, утрамбовывает и консервирует в вагоне, в рассоле из запахов чужих подмышек и не до конца пережеванных завтраков.

В подземке Игорю нужно будет проехать от Озерков до Московской. Как же давно он не спускался в метро. Всего сорок минут, и он будет у места назначения, а не полтора часа, как на машине. Не сложными вычислениями Игорь посчитал разницу, и умножил ее на два. Получился один час и сорок минут в день. Можно пойти дальше, и умножить эту цифру на количество рабочих дней в неделю, в месяц, в год. Так мы и тратим жизнь. Но Игорь постарался занять себя мыслью о том, что он еще никогда без видимой причины не приезжал на работу на тридцать, а то и на сорок минут раньше положенного. Чем же ему там себя занять? Выходя из квартиры, он никак не мог вообразить, чем заниматься до конца дня с учетом очередного опоздания, а теперь задача усложнилась на добрый час. Никаких особенных дел у него, по сути, не было; чистая формальность – последний рабочий день.

И плевать, что половину пути он будет висеть задавленный, как селедка, ведь вторую часть пути вагон станет наполовину пустым и свободным, как и он сам.

Две недели без малого Игорь принимал мир заново. Не как фон своих дел, а точнее: своих-чужих дел, а как неповторимый феномен в каждом своем проявлении. Без суеты, без коктейлей жгучих неотложностью мыслей, без напряженно-потерянных взглядов. И в эти дни он снова стал раскрываться красоте окружающего, улавливать изящность архитектур, блики воды на набережной, слышать, что волнует прохожих, замечать тонкие запахи женских духов и пугающие отрывки подворотен. Мир переставал быть фоном его личных и в внутренних баталий. Если видишь, что кто-то где-то дерется – это еще не значит, что война везде. Мир становился ближе, а Игорь переставал драться, выходил из своего футляра. Он вспоминал, как улыбаться прохожим, отвлекаться от мыслей о грядущем, о делах и об отчетах перед очередью начальников и всякого рода командиров, как планировать свою жизнь, а не рабочий день, вечер, ночь и утро.

Держась за поручень, он как под микроскопом разглядывал свою руку и пальцы, цепко до белизны в подушечках сжимающие скользкий металл. На внешней её стороне, прямо над кистью проступали сине-зеленые ручейки вен. Они выходили прямо из-под его часов и затекали куда-то между пальцев. Раньше их было почти не видно. Кожа на руке совсем сухая, и тонко шелушится. Когда-то едва заметные, жидкие, светлые волосы на верхних фалангах, теперь почернели и окрепли. Складки дермы стали глубокими и резкими, будто резанными. Еще он разглядел множество микротравм от кошачьих укусов, до мелких бытовых порезов.

«Как же изменилась моя рука, как же изменился я сам! Мы меняемся каждый день, каждую секунду, но у нас нет времени это заметить. Мы следим за всем, чем угодно, кроме себя. Ни наблюдаем, ни изучаем, ни пытаемся себя понять, что снаружи, что внутри. От этого почти все наши проблемы. А мы ищем их корень где угодно в стороне и никогда его не найдем».

Свет в вагоне мерцал, а сам вагон, унося по тоннелям, качало из стороны в сторону, так что плотная толпа внутри плескалась, как живой водоем. И, несмотря на то, что Игорь во всю учился заново смотреть на мир вокруг, у него никак не получалось находить в этой вагонной каше отдельных людей ни по лицам, ни по одежде, ни по движениям. Все взгляды повторялись пустотой, посматриванием на заклеенные безобразной рекламой стенки вагона, изучением карты метро, разглядыванием спин впереди стоящих или своих же ботинок. Десятки

левых рук этой стосороканожки-мутанта были заняты одинаковыми оригинальными сумками, а десятки правых, по-уродски изловчившись, держали не менее одинаковые эксклюзивные смартфоны прямо перед лицами своих счастливых хозяев, и те перелистывали одни и те же страницы в интернете для «не таких, как все», не замечая ничего вокруг. Только дети своей еще чистой энергетикой могли выделиться из этой неповторимой массы, но их голоса оглушал скрип вагона, а крошечные фигурки с головой скрывала толпа, как море скрывает тонущего.

Игорь не прекращал попыток разглядеть в этой субстанции хоть какое-то содержание, пока в очереди центральных станций и пересадок её почти всю не высморкало из вагона, и тот опустел чуть ли не на те же пресловутые две трети.

Из нововошедших пассажиров Игоря, пожалуй, привлекла всего пара молодых людей.

Первый из них заступил в вагон на станции «Сенная Площадь». Он был расхлябан и расслаблен. Еще вчера его одежда, прическа и движения были свежими и бойкими, но сегодня все заметно изменилось в противоположную сторону. Тем не менее, это совершенно не смущало молодого человека, он ухмылялся сам себе. Ему не было дела до рекламных наклеек, казалось, он совершенно не беспокоился ни о времени, ни вообще о чем бы то ни было, создавая впечатление человека, который не то, что никуда не опаздывает, а которому в принципе никуда не надо. Он везде уже был, и там, куда сейчас лежит его путь, никто не распнет его на кресте часовой и минутной стрелки.

Он вошел, и, прищутив взгляд точно охотник, метящий в жертву, приземлился на ближайшее свободное место, прямо возле Игоря. Несколько минут пока поезд добирался от «Сенной» до «Техноложки», молодой человек изучал вагон, его сиденья, окна, двери и поручни, почти нагло разглядывал людей так, будто видел их и все вокруг первый раз в жизни. Но спустя пару минут, все-таки потянулся рукой в карман куртки. В этот момент Игорь разочарованно вздохнул: «Ну вот, еще один „не такой, как все“, лезет за своей игрушкой, проверить время, а потом убить его, коротая путь».

Однако, спустя несколько секунд карманных раскопок, в руке парня оказался вовсе не телефон, а несколько сложенных втрое тетрадных листа и огрызок розового карандаша с грязной резинкой. Парень на какое-то время закрыл глаза, потом открыл снова, и, положив листочки на коленку, начал что-то записывать. Писал он всю дорогу, пока Игорь в последний момент не выскочил на своей остановке, засмотревшись на него. Тот и бровью не повел ему вслед. Он писал стих, подбирая слова, отстранился совершенно от всего. Игорю было очень интересно, о чем же тот стих, но разглядеть его сверху-вниз, в моргающем, брыкающемся вагоне, да еще и вверх ногами, у него никак не получалось. В итоге его любопытному взгляду поддались лишь только первые строчки:

С «Сенной» мне надо ехать до конца
По синей ветке и до самого, до юга.

Второй молодой человек в это время уже находился в вагоне. Игорь не заметил, когда тот вошел. Он стоял у самой дальней двери. Казалось, он пытался вжаться в стены вагона, чтобы его никто не мог видеть. Игорю не удавалось прочитать взгляд его глаз, тот прятался за солнечными очками. Но что-то ему подсказывало, что этот парень почти уверен, что внимание всего вагона приковано лишь к нему одному, и даже тусклый, мерцающий свет старой, неисправной лампы, как яркий софит, тоже нацелен именно на него.

Парень уперся взглядом в своё отражение в стекле с надписью «Не прислоняться». На нем были выдавшие виды белые кеды, заштопанные джинсы и короткое черное пальто. Периодически начиная судорожно шевелить губами, он разговаривал сам с собой, возможно даже спорил.

Когда двери вагона не спеша разъехались на станции «Парк Победы», он резко развернулся, и, осторожно придерживая сумку, засеменя к выходу, но в шаге от края вагона встал, как вкопанный. Это точно была его станция, но почему-то он не решился сойти на ней. Даже с расстояния длины почти целого вагона Игорь заметил блестящие разводы пота на его лбу и висках. Он снова хотел стать невидимым. Двери с грохотом захлопнулись, и поезд затянуло в сумерки туннеля. Парень чертыхнулся на свою нерешительность, отчаянно стукнул кулаком в резиновый стык дверей, и, не разжимая руки, уперся в нее лбом. Он с такой силой стискивал пальцы, что через несколько секунд его кулак покрылся трупной бледностью.

На Московских воротах они вышли вместе, а дальше Игорь потерял его из виду.

3

Вот и до нервной дрожи знакомое здание рабочего офиса. Это громоздкий сталинский исполин, составленный из огромных серых камней со строгой лепниной в проемах внушительных окон и малюсенькими пяточками балконов. Стоит только переступить пределы квартала, из которого растет этот угрюмый капиталист коммунистической постройки, как тебя неизбежно начинает охватывать чувство, что над тобой грозно нависает огромный гопник. А ты на сто две головы ниже его, и с каждым шагом, приближаясь все ближе, сдуваешься в геометрической прогрессии, превращаясь в пылинку по сравнению с ним. Ты знаешь, что будет дальше. Он тоже это знает. Тебя ощупывает взгляд его огромных окон-глаз, от которого не утаишь ни одного действия и ничего не спрячешь. На его лице-фасаде нахлобучены непонятные тебе маленькие жиденькие усики, и нелепый шиньон безвкусной лепнины, чтобы на первый взгляд выглядеть неузнаваемым и безобидным. Ты подходишь к нему вплотную, он хватается тебя за грудки и тащит за собой. Ты ему должен. Но он не будет вытряхивать из тебя карманные деньги и мобильный. Он заставит тебя работать на него, на его благо. И, кстати, свои деньги ты потратишь, чтобы не умереть с голоду, а по своему телефону будешь улаживать его дела. Корпоративные гопники гораздо умнее своих районных собратьев. Если ты голоден – не надо отбирать чужую рыбу. Сдай человеку в аренду удочку, и отныне он будет благодарно кормить тебя пойманной им рыбой. Они – акулы своего дела.

Ты сможешь уйти только вечером, чтобы выспаться и вернуться назавтра обратно. Сам, добровольно – «а иначе найду – хуже будет». И ты обязательно возвращаешься.

На входе Игорь чуть не расшиб лоб, столкнувшись со взмыленным утренними делами клерком, а уже через секунду его самого втянуло внутрь обители этого корпората.

Офисы компании, в которой работал Игорь, целиком занимали один из последних этажей. Это была производственная фирма со своим заводом в промышленной зоне Петербурга. Она занималась производством и продажей аккумуляторов для автомобилей и спецтехники, а так же другими мелкими производствами, типа батареек и лампочек.

На этаже его встречала тяжелая металлическая двустворчатая дверь, а слева от неё двухметровый, яркий, и, по мнению Игоря, абсолютно уродливый плакат. На нём изображена машина (примерно такая же, как у Игоря), она мигает аварийными огнями, а сзади у багажника мокрый от пота и усталости сидит мужчина лет тридцати (тоже совсем, как Игорь). Судя по всему, он долгое время пытался заставить свой авто двигаться, толкая его руками, поэтому порядочно выдохся и уселся пятой точкой прямо на дорогу, не жалея свои по строчке отглаженные брюки. В глазах у него блестит классический огонек русского человека, упивающегося наслаждением глубиной своей тоски. Мужчина не замечает, что с другой стороны к его авто вальяжной, сексуальной (по мнению фотографа) походкой, на огромных каблуках подплывает размалеванная девица в мини и коротенькой полупрозрачной блузе с огромным вырезом, из-под которой явно просвечивает силуэт ее лифа, упруго обтягивающего грудь. Она в погонах и пилотке, какие вешают и надевают на проводниц и стюардесс для съемок в подобных рекламных фотосессиях. Будто к плацкартному билету в условную Анадырь каждому пассажиру прилагается досуг с такой вот мадам, дабы не заскучать и не замерзнуть в пути. Есть ли еще хоть кто-нибудь, кто ведется на это? Пышногрудая девица с плаката компании Игоря выглядит точно так же, только вместо значков РЖД и Российских Авиалиний на ее погонах и пилотке красуется желто-зеленые нашивки с названием фирмы по производству аккумуляторов. В одной руке она несет такой аккумулятор. С её шеи с обеих сторон свисают, качаясь у самых колен, «крокодилы» для «прикуривания». Они должны символизировать медицинские «утюжки» для шоковой терапии при остановке сердца, только у автомобиля. В нижней половине постера эта сударыня торчит по пояс сверху максимально крупным планом. Улыба-

ется своему потенциальному потребителю красными припухлостями губ, слегка приоткрыв белоснежные зубки, и кокетливо ему подмигивает. Тонкими ручками она прижимает аккумулятор к знойной груди, приподнимая и обнажая её еще больше. По центру всю композицию пересекают зеленые буквы слогана компании:

«Хватит толкаться на месте! Заведи мечту!».

Игорь вспоминал это девушку-прости Господи-модель во время съемок. Ей было не больше двадцати и по возрасту, и по ай-кью. Гримеры постарались на славу, и, спустя каких-то полтора часа, девушка стала выглядеть не как юная недалекая провинциальная блядь, а как молодая эффектная шлюха. Правда в моменты, когда она открывала свой раскрашенный ротик, чтобы в очередной раз сказать или спросить какую-нибудь нелепицу, либо просто неловко засмеяться, с её лица тревожно осыпались огромные куски штукатурки, как с какого-нибудь древнего дома на Лиговском проспекте, в котором, начиная с постреволюционных времен перебивали все рабочие фабрики имени Крупской. От неё пахло сладостями и разило грязью.

Съемки проходили в выставочном зале и на территории завода. Работа в тот день была сорвана на несколько часов. Всем было интересно посмотреть на бесплатные зрелища, пускай и без хлеба. Около сотни человек собрались на место действия, и как минимум половину этой страждущей толпы составляли, как раз-таки, работяги разных цехов. Они смотрели на эту маленькую грудастую болванку, и каждый хотел обработать её на своем станке. Выпучив глаза по пять дореволюционных копеек, они будто узнавали её. Видимо, все они в прошлых жизнях работали на той самой фабрике имени Крупской, и по вечерам после тяжелой смены, вместе, или по очереди заполняли парадную этого общежития.

Рабочие восхищенно матерились и плевали себе под ноги. Игорь стыдливо краснел, и тоже плевал себе под ноги, только понарошку, а сударыня улыбалась еще шире, и в её глазах разгорался огонь сбывающейся мечты.

Покраснел и понарошку плюнул себе под ноги он и сейчас. Потом тяжело выдохнул и повторил про себя:

«Хватит толкаться на месте! Заведи свою мечту!»

Сразу же вспомнив что-то важное, он блаженно улыбнулся.

Таблетка легла на специальный магнит, дверь запищала и поддалась на рывок. Он прошел мимо пока еще пустой стойки ресепшена, на автопилоте прицепляя на нагрудный карман своего пиджака бэйджик: Старший менеджер по закупкам. Игорь Владимирович.

4

– Игорь-будь он не ладен-Владимирович! – пробубнил себе под нос Игорь, читая свой бейдж вверх ногами.

В компании носить бейдж со своим именем отчеством было серьезной, матерой привилегией. Уходя от нюансов, здесь всего три стадии развития, три карьерных ступеньки. Для себя Игорь определял их как: австралопитеки, питекантропы и неандертальцы.

У австралопитеков нет бейджиков, и только несколько человек знали и называли их по имени. Как правило, соплеменники.

У питекантропов есть бейджик, и с ним все знали, как уважительно в тебе обратиться здесь и сейчас, забывая твое имя снова уже через несколько минут.

У неандертальцев снова нет бейджика, зато есть отдельный кабинет-пещера, на двери которого висели его ФИО и должность. Все, опасаясь гнева хозяев этих кабинетов, с переменным успехом пытаются запомнить наизусть ФИО и должности, чтобы не попасть впросак, когда те вызывают их к себе, или сами выходят в народ.

У Игоря не было своего кабинета, но одним из преимуществ ношения бейджика было то, что в своем отделе ты мог сидеть на том месте, которое сам себе выберешь. И в его случае, это был уютный стол в углу у окна.

Как раз к нему Игорь и подходил сейчас, открыв полупрозрачную дверь в просторное помещение на семь сотрудников.

Полумрак теневой стороны, и полная тишина пока еще пустого кабинета. Только ветер, разгоняясь, со всей мощи бьет по поставленному на микропроветривание окну, играя с едва удерживающейся стопкой документов, прижатой к столу степлером. Тревожное спокойствие тихой воды перед бурей. Обманчивая иллюзия безопасности морской глади перед тем, как ее растревожат едва заметные блики начищенных ботинок и шелковых рубах корпоративных акул больших и малых продаж. Через пару десятков минут поверхность встревоженно заволнуется, и ее начнут разрезать плавники беспощадных хищников. А не пройдет и получаса, как все вокруг превратится в чумный пир, качающий весь этаж, каждый офис. Море забурлит красными от свежей крови пузырями, ошметки бесчисленного количества документов разлетятся по всей площади этого пира. Воздух начнет сотрясаться от сирен звонков, отчаянных зычных криков и самодовольного рычания радости крупной добычи. Побоище пропитается тревожным запахом накаленных добела нервов – это смешанный аромат табака и крепко заваренного кофе. Кто не спрятался – я не виноват.

А потом наступит обеденный час, и огромные зубастые рыбыны расплывутся по заведениям общепита кушать пресные бизнес ланчи, едва слышно гудя между собой о новостях нашей ущербной политики и облажавшегося спорта. Более же мелкие хищники поплывут в офисные столовые занимать покорную очередь на пару микроволновок, дегустировать содержимое полупрозрачных ланч боксов, которые с утра им собирали их заспанные супруги.

Игорь попробовал больше не думать обо всем этом. Ведь ему надо привыкать к свободным и светлым мыслям. Он знал, что сразу ничего не получится, будет не просто, тем более сегодня, в свой последний рабочий день. Как-никак силу привычки и прощальную ностальгию еще никто не отменял.

«Иисус три десятка лет водил евреев по пустыне с одной лишь только целью – вытоптать из них раба. Надеюсь, у меня это получится хоть немного быстрее, благо я не еврей, да и в религиозные сказки верю с трудом» – думал Игорь, покачиваясь на стуле.

Слева от его стола, на подоконнике стоял глобус размером не больше футбольного мяча. Он крутил его, перебирая двумя пальцами, как ножками маленького человека. Порой он отме-

рял шажочками пальцев расстояние от Мыса Доброй Надежды до Фиджи, от Японского моря до острова Пасхи, или от Полюса до Полюса.

Несколько лет назад Игорь нашел этот глобус в кладовой родительской квартиры, он лежал там со школьных времен, слегка потрепанный и выцветший, без гео-политических изменений с ума сошедшей за последние двадцать лет планеты людей. И тогда же Игорь решил принести его на рабочее место. Он привязал это событие к своему повышению. Глобус должен был стать для него неким символом того, что он начинает покорять этот мир, а заодно и обживаться на новом месте. Ведь носят же, в конце концов, все другие за свои столы семейные фотографии и цветы, вращая в рабочие места точно так же, как их гиацинты и фикусы в горшки.

Но случилось так, что детский глобус отказался играть по заданным правилам, он вошел в Игореве доверие, и стал его переделывать, превращаясь в символ мечты о свободе. Он показывал ему, как мелок человек в своих поражениях и победах, во взглядах, желаниях, и иллюзиях. Из дня в день он мозолил взгляд Игоря своей необъятностью, брызгал ему в глаза солеными каплями Индийского океана и качал на руках Тихого после очередного нервного собрания «на ковре». Он прятал его в Великий Каньон ото всех звонков ненормальных начальников и контрагентов и отправлял искать защиты к пиратам Сомали.

И сейчас глобус, подтверждая очередной раз свою победу, снова захватил все его внимание. Только в этот раз, как и последние несколько месяцев пальцы и взгляд Игоря в большей степени занимал всего один маршрут, маршрут длиной почти семь тысяч километров по прямой на восток, или же шесть суток дороги на поезде.

5

Восемь пятьдесят семь. То время, когда сталинская каменная махина начинает активно глотать свои шестеренки, расставляя по рабочим местам. Мы – звено пищевой цепи. Каждый день даем чужим делам сожрать себя, чтобы получить за это вознаграждение и сожрать чего-нибудь самому.

Самые ответственные хищники со спиленными зубами приплывают на работу минут за десять, а то и за все пятнадцать. Немногие опаздывают примерно на такое же количество времени. Это анархисты-бунтари. Они уверены в своей дерзости, смелости и свободолюбии. А еще во всеобщей зависти. Но основная масса приплывает все-таки именно за три минуты до начала рабочего дня. Они – лицо современного рабства. Они, как бы, не дают никому забирать свое, но и к чужому относятся с уважением. А эти лишние три минуты можно вальяжно оставить на чай. И только супруги этих индивидуумов знают истинную цену их ста восьмидесяти чайных секунд. Это лихорадочные поиски одинаковых носков с утра и кружка кофе залпом прямо в коридоре, вместо давно забытого утреннего секса. Потрать хоть раз эти три жалкие минуты на пару десятков признательных фрикций, приходи в девять, а не в восемь пятьдесят семь. Глядишь, в благодарность в следующий раз тебя уже с вечера будут ждать пара одинаковых носков, завтрак под заправку и счастливый утренний поцелуй с пожеланием доброго дня.

Офис постепенно заполнялся. Солнце припекало и в кабинете начала осаждаться духота. Игорь потянулся распахнуть раму высокого окна, и в тот момент, когда он повернул ручку и тягучим рывком открыл её, одновременно с потоком свежего весеннего воздуха, с противоположной стороны, через задорно открывшуюся стеклянную дверь, так же свежо и прохладно в кабинет влетел коллега Игоря Артём. Артём столкнулся со сквозняком примерно в середине пути, они вскружили друг друга и полетели дальше. Еще с порога Артём выделил Игоря приветливым взглядом, и, не замечая никого вокруг напролом шел именно к нему, сияя рекламной улыбкой. Особенность его личности заключалась в том, что он всегда приходил по-разному, не попадая ни в одну из трёх групп. Более того, его нельзя было заметить за рассуждением о важности корпоративного роста, но в то же время, свою работу он выполнял ответственно и на все девяносто девять и девять. Игорь не понимал философию жизни Артёма, в нем была какая-то загадка. Наверное, во многом из-за этого, они были близки и могли называть друг друга не только коллегами.

У Игоря перед носом повис и закачался бэйдж, на нем было написано: Артём Анатольевич – помощник директора.

Считалось, что в этом кабинете Артём – самый важный человек, а Игорь – второй по важности после него. Собственно, именно первый и вытаскивал второго на это место, когда сам его и освободил, став новым помощником директора. Вообще, Игорь никогда не понимал должности помощника директора. Что это? Кто это? Да, в конце концов, помощник какого директора? Тут их с десяток, а у тех еще десяток загов. А помощник, он зачем? Все здесь своего рода помощники директоров, только без бэйджиков.

Артём хитро заглянул Игорю в глаза, и протянул розовую ладонь с длинными пальцами. Игорь в ответ протянул ему свою компактную ладошку. Рука Артёма обхватила её, как Чужой обхватывает свою жертву, и несколько раз встряхнула.

– Ну что, коллега, доброе утро! – в пол голоса сказал Артём, так чтобы привлекать к их разговору как можно меньше внимания.

– Пока что – коллега! – хитро улыбнулся Игорь, – С завтрашнего дня просто – дружище! – оба молодых человека усмехнулись.

– Не передумал? – спросил Артём.

– Нет. Ни за что, ни в коем случае и ничего подобного! – отрезал Игорь.

– Ну, как знаешь! – Артём взял небольшую паузу, и все-таки в сотый раз повторил, – Тебе это точно надо? Тебе точно именно этого хочется?

– Да. Точно. Мне точно хочется, как минимум с этого начать, и закончить все вот это!

Игорь обвел взглядом весь кабинет, видимую часть коридора за прозрачной дверью и парадный пейзаж за окном.

– Хм.. Но ведь поменять все можно тоже по-разному. Я тебе рассказывал. Много людей так же, как и ты берут и бросают все в своей жизни, сдают квартиру, находят приличную работу «по удаленке» и уезжают в Индию, в Таиланд или во Вьетнам. Там на сто зеленых в месяц можно целыми днями печься, как пирожок в духовке, только на пляже, пить тропические коктейли, а в перерывах заходить в море по малой нужде!

Артём считал это наилучшим вариантом для Игоря и даже на ленточке не терял надежды уговорить своего друга на него.

– У меня в Самуи хороший знакомый как раз уже третий месяц живет. Он тебе все подскажет, покажет и поможет на первых парах, я с ним договорился, он только и ждет контрольного звонка. А я бы к вам в отпуск в гости рванул с Ирккой! Ты бы за это время, глядишь, и образумился. А когда вернемся – вместе свое дело откроем, я уже много чего подготовил, рассчитал, продумал. Через полгода надо уже открываться. А так сможем вдвоем, ты – человек хороший, толковый, к тому же друг, и я тебе доверяю! А кому еще, если не тебе?

Артём закончил и уставился на Игоря с такой надеждой во взгляде, какая бывает у подсудимого после последнего слова при взгляде на присяжных или судью.

В отличие от всего остального, новость о своем деле через пол года стала для Игоря откровением. Его даже слегка передернуло холодком неожиданного порыва сомнения, где-то в кончиках пальцев. Ему, несомненно, было приятно слышать такие слова, как приятен был и сам Артём. К тому же, только теперь ему стало понятно, что твориться у Артёма в голове. Хотя бы отчасти. Его взгляд на мир, в том числе и на мир финансово-трудовых отношений. Вот почему он всегда выглядел ответственно и трудолюбиво, но в тоже время неряшливо, легко и свободно. Сколько же открытий порой несут в себе переломные моменты.

Игорь задумчиво качал головой, он пытался подобрать в ответ такие слова, которые бы не обидели его друга, а даже наоборот, передали все его к нему уважение. Равно как и уважение ко всему, что их связывает, но в то же время, чтобы тот раз и навсегда уяснил – на его решение уже ничего не в силах повлиять. Он протяжно моргнул и обратил на Артёма свои серо-голубые глаза:

– Спасибо, дружище! Тысячу раз спасибо! Но нет. Ты же знаешь, я не вчера обо всем решил и все продумал. Несколько месяцев собирал и наводил справки, разрешения, рекомендации и другую макулатуру, вел переписку и надеялся. У меня сейчас на кухне на столе лежат билеты, я их снова с утра за завтраком чуть не протер взглядом. Сегодня это моя мечта. А что мне твой Таи?

Игорь хотел продолжить, но его прервал приветственный возглас сначала одного коллеги, потому другого, и он понял, что сейчас уже никто не даст им закончить разговор, и что лучше отложить его на вечер. Он недовольно хмурился, пожимая ладони своих коллег, и, обернувшись к Артёму снова, произнёс:

– Артём Анатольевич, продолжим наш разговор позже, вечером! Мне есть что Вам сказать!

Они еще раз по-дружески ухмыльнулись друг другу, и Артём как же свежо и порывисто упорхнул.

6

День тянулся, как обычно долго, только сейчас Игоря это уже так не волновало. Все хвосты он доделал пару дней назад, личные вещи тоже собрал и увез заранее. Кроме глобуса. Все, что ему оставалось – вальяжно передвигать себя по офису, помогая и направляя своих младших сотрудников. С блаженной улыбкой он плавал по офису и по волнам своих мыслей.

Вокруг него проносились и гудели озабоченные и озадаченные работники, растерянно искали нужные кабинеты деловые гости, у всех по очереди звонили то мобильники, то стационарные телефоны, гудели компьютеры. Суэта плотно накрыла всех и вся, воздух раскалился добела, корпоративная стая снова показывала свои хищные зубы. У неё всегда одна цель – прибыль, сочные шматы выгоды, жирок. И никакой жалости, никакой пощады ни к себе, ни к окружающим, все на уровне животного инстинкта. Устал, не можешь, не хочешь – отступи, или будешь сожран. Ты либо высшее звено цепи, либо обед.

Игоря все это теперь совсем не волновало, он даже снял бэйджик, и, тихонечко слоняясь по коридорам компании, мял его пальцами в кармане брюк. Без бэйджика на него почти совсем перестали обращать внимание. Редкие сотрудники признавали в нем своего коллегу и подавали потные, напряженные ладошки.

Блуждая по этажу, он представлял себя на экскурсии в океанариуме. Вокруг него проплывали десятки акул, порой они бросались на стенки бассейна, порой друг на друга, устрашающе обнажая острые ряды желтых от кофе зубов, и пуская жабрами крикливые пузыри воздуха. Игорь видел их словно на замедленном воспроизведении и совершенно без звука. Его больше не касалось то, что волнует их, оттого он их совершенно не слышал, и больше не понимал, и не воспринимал. Его сознание уже, как бы, ушло в другую реальность.

Каждый человек хотя бы раз сталкивался с подобным состоянием. Кого-то оно застигало врасплох, могло нервировать и пугать, а кто-то просто изучал грани нового, постепенно знакомясь с ним, ощупывал, как ребенок новую игрушку. Такое может происходить великое множество раз на протяжении жизни, весь вопрос в том готов ли ты к этому или нет, осознанно это происходит или случайно? Для себя Игорь назвал его, как «Чувство первого дня после конца света». Его ощущение для всех одинаковое, только реакция может быть разной. Сначала ты начинаешь ощущать, что мир вокруг, по сути, не изменился, но стал другим, чужим. Или ты для него стал чужим, вы отделились. Ты перестал его понимать и вписываться. Вокруг тебя мыльным пузырем разросся новый мир. Первое время он охватывает вплотную только тебя одного, проверяет на прочность, душит, закрывая ото всех в самом себе. Ты начинаешь больше прислушиваться к себе и своим ощущениям, иногда даже слишком, до полной замкнутости на своём состоянии, и это очень опасно. Такие перемены приносят чувства отрешенности и гнетущего одиночества, старый мир за прозрачной стеной от тебя все также виден, но уже не ощутим, и он давит на хрупкие стенки твоего нового мира своей невозвратностью. А потом, со временем ты набираешься сил, и твой новый мир крепнет и разрастается, отбивая у старого мира пространство и содержимое. Войной ты отсекаешь его территории, и они снова наполняются близкими и родными чувствами, некой «знакомостью». Ты перестаешь ощущать себя чужим, там где ты есть. Твой новый мир все растет и растет, до тех пор пока что-то или кто-то снова его не разорвет. И тогда мыльный пузырь опять лопается, ты вновь покрываешься горькой, холодной, неприятной слизью из которой тебе предстоит выдуть очередной новый мир. Или сдаться и..

Некоторым людям приходится воевать за новый мир по многу раз, и они постоянно находят в себе силы, а некоторым не хватает сил и на одну попытку. Тогда старый мир катком давит их насовсем. Только так и проверяется сила личности. Такие метаморфозы происходят с человеком как во время неожиданных, так и во время запланированных обрывов. Иногда

этот самый обрыв застает тебя в знакомых местах, а иногда в чужих, и тогда чувство отрешенности и одиночества много сильнее. Каждый, кто неожиданно в результате несчастных случаев попадал в больницу, у кого уходила любовь или умирал близкий человек, помнит это липкое ощущение одиночества, замкнутости, и чужеродности. Так умирает, и в тот же миг рождается новый мир. Примерно так же умирает и рождается новый мир, тогда, когда ты сам решаешь все поменять. Ты чувствуешь то же самое, только понимаешь, что сам пошел на этот шаг, чтобы не доводить все до неконтролируемого срыва. То же самое чувствовал Игорь все последние дни. В ожидании нового, он пока еще ходил по-старому, и прощался с ним, раздувал вокруг себя пузырь нового мира.

7

Наступило время обеда. Несмотря на почти полное безделье, Игорь страшно проголодался, все-таки нервное напряжение скорой перемены жизни отнимало много энергии. Вся загвоздка заключалась в том, что многие знали об увольнении Игоря, но более никаких подробностей о его решительно новой мечте и о путешествии на восток. Лишь Артём, в котором Игорь был абсолютно уверен, все знал. А в связи с этим коллектив был охотлив до подробностей добровольного увольнения не последнего менеджера, не самого худшего в фирме отдела. Тем более, почти сразу после заключения одной грандиозной сделки, не обошедшейся без непосредственного участия в ней Игоря.

С того момента, как на стол начальника отдела кадров несколько недель назад легло заявление об увольнении, совершенно безальтернативном увольнении человека, который ни на что не жалуется и ничего не требует для изменения своего решения, по компании, как само собой разумеющиеся, поползли слухи. Причем один слух был невероятнее другого, некоторые из них доходили до идиотизма. Лидерами среди всех прочих были слух о том, что Игорь смертельно болен, слух о том, что его за баснословный контракт переманила фирма-конкурент, и третий – самый нелепый о том, что Игорь работал под прикрытием, являясь тайным сотрудником то ли налоговой полиции, то ли ОБЭПа. Но так, как фирма в какой-то момент вовремя заплатила кому-надо сколько надо, его подлая миссия закончилась.

Несколько раз вооруженные хитрым шпионским прищуром к Игорю подходили коллеги, и, используя разные, но при этом одинаково банальные приемы, осторожно пытались выведать, как обстояло дело в реальности. Было видно, что они жутко боятся, вдруг все-таки именно миф про налоговую – вовсе не миф, но банальное человеческое любопытство сильнее любого страха. Один сотрудник отдела маркетинга как-то подошел к нему, ободряюще похлопал по плечу, так что Игорь чуть не подпрыгнул от неожиданности, и тот ему с ноткой здоровой зависти как закричит на весь кабинет: «Ну ты даешь, старик! Вот не ожидал! Смело! Здорово! А ты не боишься гнева нашего большого брата?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.